

МОРАЛЬ БЕЗ ЦИВИЛИЗАЦИИ ИЛИ ЦИВИЛИЗАЦИЯ БЕЗ МОРАЛИ?

Размышления о книге А.А. Гусейнова «Великие пророки и мыслители.
Нравственные учения от Моисея до наших дней».
– М.: Вече, 2009. – 496 с.

М.Л. ГЕЛЬФОНД

Жанр этой книги не поддается стандартному определению: для одних она может оказаться неожиданно интересным чтением на досуге, вторыми непременно будет использована как учебник, а третьи воспримут ее как одно из наиболее ярких этических исследований последнего времени. Но в каждой из этих ипостасей книга неизменно останется захватывающей, полезной и эвристической провокативной. Вот почему она нуждается не в простой рецензии-оценке, а в серьезной и развернутой аналитической статье, хотя бы отчасти соответствующей по своей идейной наполненности масштабу авторского замысла. За отсутствием такой возможности ограничимся лишь несколькими существенными, на наш взгляд, замечаниями о книге и ее значении для всех категорий потенциальных читателей.

Содержание книги обладает волшебством калейдоскопа, в котором перед взором пытливого читателя причудливо сменяются такие непохожие и порой загадочные образы морали. Каждый из них наглядно персонифицируется в личности, судьбе и учении одного из поистине великих духовных реформаторов и учителей человечества, к числу которых автор относит как религиозных подвижников и пророков (от Конфуция до Мухаммеда), так и ряд светских философов-моралистов (от Сократа до А.А. Зиновьева). Это обстоятельство определяет структурную композицию книги, смысловым ядром которой служат блестящие очерки-реконструкции нравственных учений рассматриваемых мыслителей, а необходимым и гармоничным обрамлением – глубокие размышления о природе и специфике морали, концептуализирующие ее в качестве базисного предмета исследования и создающие оригинальную методику анализа генезиса нравственной культуры.

Уникальный авторский стиль заставляет поверить в то, что ключевые идеи книги непосредственно и органично рождаются в заочном диалоге с читателем, который неспешно и доверительно ведет автор, по-настоящему «участливо» (С. 3) и удивительно увлекательно излагающий жизненные *credo* знаменитых моралистов, избегая при этом как менторского тона авторитетного эксперта, так и всезнающей снисходительности опытного критика. Это таинство повествования постепенно завораживает и заставляет с нарастающим интересом следить за ходом авторской мысли, фиксируя убедительность ее доводов и точность иллюстраций, и одновременно вызывает у читателя желание превратиться из рядового слушателя, почтительно внимающего речам искусного рассказчика, в его полноправного

собеседника, способного занять собственную позицию в дискуссии вокруг одной из центральных тем книги – проблемы соотношения морали и цивилизации.

Ценностная конфронтация морали и цивилизации давно находится в фокусе внимания как ведущих представителей философского цеха, чутко уловивших в торжественной поступи прогресса тревожные отзвуки крушения моральных идеалов, так и простых обывателей, привычно исповедующих веру в безусловную позитивность достижений цивилизации и в то же время искренне сетующих на непрекращающееся падение современных нравов. В результате фундаментальная оппозиция морали и цивилизации приобретает не только этико-теоретический, но и самый широкий социально-идеологический контекст. В центре этого мощного вызова самосознанию европейской культуры оказываются три ключевых вопроса: 1) что такое мораль; 2) как она соотносится с иными социальными практиками; и, наконец, 3) совместимы ли мораль и цивилизация, рассматриваемые в качестве глобальных стратегий развития человечества?

Автора книги отнюдь не смущает исходная необходимость открытого признания объективно непреодолимой эпистемологической ограниченности человеческой интерпретации морали, ибо она представляет собой один из самых таинственных уровней мироздания. Между тем, ее неумолимо ускользающая от экспансии познающего разума реальность на поверку сама «практически очерчивает универсум, внутри которого только и может разворачиваться человеческое бытие как человеческое» (С. 21). А потому извечная тайна морали есть, по сути, главная тайна человека – загадочного существа, онтологически приговоренного к смерти и гносеологически обреченного быть мерой всех вещей, в том числе и тех, статус которых заведомо превосходит его собственный. Именно здесь – в точке пересечения конечного и бесконечного, условного и безусловного в самом человеке – обнаруживается единственная доступная его интеллектуальной квалификации дефиниция человеческой природы, которая состоит в установлении качественной незавершенности последней, или неизбежного отсутствия в ней самотождественности, что создает, с одной стороны, нечеловеческую трудность окончательной идентификации человека, а, с другой, – вечный стимул к преодолению чрезвычайно мучительной для него ментальной неопределенности посредством непрерывного духовного усовершенствования. Это может означать лишь одно: природой человека нельзя объяснить природу морали, ибо то, что не эквивалентно самому себе, не может удостоверить чего-либо вне себя; напротив, только мораль, как единственное абсолютное, непосредственно представленное в человеческой реальности и преобразующее хаос ее социоприродных детерминаций в космос свободного волеизъявления, в состоянии конституировать человеческую субъектность, будучи насущно необходимым человеку средством самоидентификации в качестве сознательно и ответственно действующего индивида. Иными словами, мораль – это «путь в

вечность» (С. 372), сознательно вступая на который человек становится вполне человеком.

«Совершенствуюсь, следовательно, существую», – так можно резюмировать фундаментальную интуицию, укореняющую морально-го субъекта в универсуме. А посему мораль есть не что иное, как сами моральные индивиды, чье поведение телеологически задается устремленностью к идеально совершенному состоянию, а мотивация носит исключительно свободный от любого внешне-эмпирического принуждения, т.е. самообязывающий характер. Таким образом, мораль, убежден автор книги, только тогда есть мораль, когда она всецело бескорыстна, автономна и безусловно императивна, что находит свое наиболее адекватное выражение в «негативной» форме – в форме абсолютных моральных запретов, обеспечивающих человеку нормативную возможность всецело руководствоваться предписаниями практического разума как доброй воли, а не консеквенциалистскими расчетами рассудка, калькулирующего соображения удовольствия или пользы.

Однако оригинальная авторская конструкция «негативного» поступка (т.е. поступка, нравственная ценность которого состоит в сознательном отказе субъекта от совершения действия, на которое наложен категорический моральный запрет) не снимает ни теоретического, ни психологического напряжения дилеммы нравственной автономии личности, сознательно подчиняющей свое поведение всеобщему моральному законодательству. Ведь если моральная нормативность – плод индивидуального воления, то ее требования не могут быть свободными и всеобщими одновременно: в первом случае мораль неизбежно должна утратить свою универсальность, став безграничным законодательным произволом отдельных индивидов, а во втором – превратиться в деперсонифицированную властную инстанцию, лежащую за пределами человечности как таковой.

Между тем, вполне сознавая весь драматизм этой альтернативы, автор книги отнюдь не склонен редуцировать ее к разряду ситуаций, в которых наш разум вынужден констатировать фатальную безысходность своего положения. Дабы найти искомое решение, ему следует лишь выйти за рамки априорных нормативных конструкций: «Что касается противоречия между интимностью личностной выраженности морали, в силу которой она выступает в качестве силы, возвышающей индивида до уровня субъекта индивидуально ответственного существования, и ее (морали) общезначимостью, универсальностью, в силу которой она оказывается единственно надежной основой всечеловеческой солидарности, то она может получить разрешение только в том случае, если двигаться от личности к обществу» (С. 370).

В процессе этого движения формируется тот добровольный союз перманентно совершенствующихся индивидов, который и есть мораль в ее социально-историческом измерении. Вместе с тем, исчерпывающая феноменологическая фиксация общественно-исторических экспликаций морали крайне затруднена ввиду ее изначальности по отношению к любым иным формам предметно обусловленных

социальных практик и институциональных структур общества. Косвенным подтверждением тому служит объединяющий этико-нормативные доктрины великих моралистов неизменный приоритет нравственно автономной личности перед общественным целым, обуславливающий вторичность всего наличного многообразия социальных связей по отношению к сознательным перфекционистским устремлениям задействованных в них индивидов. Между тем, будучи доведенным до абсурдной предельности, принцип построения совершенного социума как сообщества в совершенстве исполняющих свои обязанности агентов, может породить чудовищные евгенические утопии.

Вероятно, основной причиной столь опасных деформаций идеи индивидуального совершенствования служит недопустимое игнорирование ее адептами того непреложного факта, что «мораль задает совершенно определенное – критически отрицательное отношение к реальному миру» (С. 371), вследствие чего полное отождествление морали с какой-либо отдельной сферой реальности (в том числе и социальной) чревато впадением в явный и недостойный ответственно мыслящего субъекта самообман. А потому моралист, по определению, – самый последовательный и непримиримый критик как конкретных исторических нравов, так и абстрактных общечеловеческих ценностей. Не случайно подлинным пафосом немалого числа моралистических учений является мифологема золотого века как назидательное сожаление об оставшихся в прошлом образцах нравственной чистоты и верности своим обязанностям, возрождение которых и составляет единственно подлинное содержание деятельности морального субъекта.

В этом смысловом поле характер проблематизации соотношения морали и цивилизации аксиологически предрешен. Хрестоматийное противопоставление массовости, конформичности и технологичности цивилизации, обезличивающей человека и неуклонно превращающей его в средство достижения неких отчужденно-объективированных целей, персоналистичности, бескорыстия и автономности морали, утверждающей человека в качестве высшей цели и ценностного демиурга универсума, давно стало общим местом европейской философско-культурологической критики. Тем не менее, в основании этого трагического противостояния авторская мысль обнаруживает куда более сложную диспозицию: именно мораль (преимущественно в форме ключевых религиозно-моралистических доктрин) порождает цивилизацию, создавая условия для преодоления ее антипода – варварского, дикого состояния человечества. Однако прогресс цивилизации неотвратимо дискредитирует и неумолимо разрушает сам исходный концепт морали, заставляя нас отчаянно вопрошать о том, нужны ли вообще мораль и моралисты в современном мире?

Автор не сомневается в том, что «возвышенный пафос моралистов был спасительным противовесом материальной устремленности цивилизации» (С. 375). Благодаря ему, партикуляризм цивилизации, формирующей архетип потребления – предпочтения собственного благополучия, сущностно противостоит тотальный универсализм

морали, накладывающей на человека безусловные обязательства по отношению к другим людям. В итоге первая неизменно зиждется на насилии, используя весь спектр его возможностей в качестве карающих, дисциплинарных и превентивных мер, ограждающих одних членов сообщества от неумеренности претензий других, в то время как вторая категорически исключает любое применение заставляющей силы. Поэтому нормативно-регулятивной основой первого способа организации социального общежития служат институты и кодексы общественной морали, второго – парадигма индивидуального совершенствования.

Автор книги последовательно идентифицирует императивно-ценностное содержание морали исключительно с всеобъемлющей перфекционистской программой, в соответствии с которой индивидуально ответственные разумные субъекты свободно реализуют свое автономное стремление к обретению высшего духовно-практического совершенства. Цивилизация же, репрезентирующая себя как совокупность морально нейтральных социальных систем, не востребует потенциала доброй воли духовно суверенных нравственных существ, превращая организацию общественного бытия в технологический алгоритм, на каждой ступени которого мораль представлена и значима только как один из элементов конкретного сегмента функционирования социума. Эта неизбежная для цивилизации предметная спецификация и институциональная фрагментация моральной нормативности становится почвой, из которой произрастают многочисленные коллизии между корпоративно-релятивистскими установками общественной морали и традиционно-абсолютистскими принципами морали индивидуальной, провоцируя эскалацию одного из наиболее острых мировоззренческих конфликтов в пространстве современной культуры.

Прогностика его развития бесконечно вариативна. Очевидно лишь то, что при всем своем антагонизме мораль и цивилизация продолжают нуждаться друг в друге: цивилизация по-прежнему испытывает практическую потребность в морали как начале, способном обеспечить максимальное внутреннее единство «правил игры» на общем социальном поле, а моральное сознание благодаря цивилизации обретает ту полемическую площадку, на которой оно может вести продуктивный поиск рамочных нормативно-ценностных оснований совместного бытия людей, позволяющих найти оптимальную формулу гармонии добродетели и счастья. Залог успеха этого начинания автор усматривает в особой целесообразности морали: «Индивид, стремясь к наилучшему для себя, становится моральной личностью, и, становясь моральной личностью, добивается наилучшего для себя» (С. 379).

Вышеизложенное – лишь один пример из всего богатства тематических сюжетов и аналитических ходов книги, которая, несомненно, заслуживает не только самого внимательного и вдумчивого прочтения, но, главное, – глубокого и в полной мере самостоятельного осмысления.